

— Значит, босс именно здесь? — крупный мужчина Пак Чу Хван прищурился и чуть спустил солнцезащитные очки, чтобы разглядеть вывеску. Маленькие глаза тут же выскользнули из-под очков и уставились на неё.

— Притащить отсюда какого-то шефа... Эх, у босса и правда странные вкусы, — пробормотал он, качая головой, и направился к ресторану. Раз обещал заехать и забрать, но так и не позвонил, Пак решил, что, может, нужна помощь, и отправился подстраховать.

В тот же момент, как он вошёл внутрь, к ресторану плавно подъехал чёрный седан. Водитель, уверенно припарковав машину на любимом месте, вышел из неё. Это был Кан Ха Джун, договорившийся встретиться с Ха Нылем к концу занятий в детском саду. До обеда времени оставалось предостаточно, но...

— Чуть раньше прийти не страшно, — пробормотал он и тоже вошёл в ресторан.

Не прошло и минуты, как раздался громкий окрик Лим Бон Су:

— Эй, лодыря! Если уж засели — работайте!

— Чёрт возьми, чем я занимаюсь, — проворчал Нам Гун Хёк, воткнув лопату в землю и облокотившись на неё, будто на посох.

Рядом Пак Чу Хван выпрямился, вытирая пот полотенцем с шеи. Его костюм уже давно остался в прошлом — на нём была только футболка.

— Копаем, — спокойно ответил он.

— Я это и сам знаю, — тяжело выдохнул Нам Гун Хёк. — Я спрашиваю, зачем мы этим занимаемся.

— ...Скаутинг? — осторожно предположил Пак.

Нам Гун Хёк резко вскинул лопату, и тот тут же вздрогнул.

— Упаси бог, босс. Мы ж вроде как для кимчи яму роём, людей хоронить нельзя.

— Кто в наше время в землю горшки закапывает?

— А вот тут, — показал Пак на выкопанный участок.

Нам Гун Хёк ошарашенно усмехнулся.

И правда — готовили место под старинные кимчи-горы. «А у них, чёрт побери, и кимчи вкусное», — мелькнула мысль.

— Мол, если заранее выкопать, потом легче горшки закопать. Так что давайте, копайте, босс, — бодро сказал Пак и с удвоенным энтузиазмом вонзил лопату в землю. Почва будто сама уступала его силе, и он с мощным возгласом выкидывал пласт за пластом.

Нам Гун Хёк цокнул языком:

— Да у тебя призвание, что ли, копать землю?

Пока он удивлённо наблюдал за товарищем, взгляд его скользнул в сторону. Там, из-под полуприкрытых век, внимательно следила Лим Бон Су, держа в руке половник. Нам Гун Хёк поспешно отвёл глаза.

— Чёртова старуха, — пробормотал он. Но движения половника были слишком грозными, чтобы их игнорировать.

Поняв, что просто так её не отвяжет, Нам Гун Хёк решился: бросил лопату, сдёрнул перчатки. При этом взгляд Лим Бон Су стал ещё острее. Тогда он сдёрнул футболку, оставшись по пояс голым, и снова взялся за лопату.

В тот момент, как он с рыком вогнал её в землю, половник наконец опустился, а хозяйка развернулась и ушла в дом.

— Чёрт, — выругался он сквозь зубы. — До такого, что ли, дожился — ради старухи голым копать? ...Но ничего, во что бы то ни стало я заполучу этого шефа с бабкой. Хоть из упрямства.

И он всерьёз принялся работать, заставив Пака встрепенуться. Теперь каждый его удар вырывал столько земли, что тому поневоле включился азарт.

Недалеко от них, у лавки Ёнхи, несколько бабушек, вместо привычной партии в го-стоп, с удовольствием глазели на молодых парней.

— Ого, глянь-ка на того широкоплечего, футболка аж трещит.

— А у второго тело всё в мускулах, как пересошенная земля, прямо трещинами пошло.

— Эх, вот бы у меня глаз было три, каждой бы достался!

В это время из ресторана вышел ещё один — аккуратно одетый, элегантный, с горшком на

плече. На нём рубашка с длинным рукавом, ни кусочка кожи не видно, но влажная ткань обтягивала фигуру так, что глаз не оторвать.

— Господи, да за что у меня глаза только два, — вздохнула одна.

— Пойти спросим у Су-и, кто они такие?

— Ты забыла, как она нас выгнала после того, что мы у неё в го-стоп всё деньги слили?

— Эх, ну и ладно.

И всё же они продолжали пялиться, словно замороженные.

— Чего так ухмыляешься? — насторожился Ын Юль, заметив странный смешок Лим Бон Су входа.

— Так, своё есть, — отмахнулась она половником.

Ын Юль только тяжело вздохнул, глянув на тех, кто копал землю:

— И зачем вы их туда погнали? У нас же три холодильника для кимчи.

— Молчи и работай.

— Эх, и дураки же. Думают, если старше на пятьдесят лет, то я в современные штуки не верю. И ни у кого даже подозрений нет.

Он снова вздохнул, но вмешиваться не стал. Честно говоря, было даже приятно видеть этих ненавистных людей — от Нам Гун Хёка, который напросился на обед, до Ха Джуна, заявившегося после расставания, — как их гоняют до седьмого пота.

Когда к обеду поток посетителей схлынул, Лим Бон Су усадила троих мужчин за стол. Всех клиентов, что обычно задерживались, она выгнала, оставив лишь «рабочую силу».

— А можно хоть умыться перед едой? — буркнул Пак, вытирая пот.

Нам Гун Хёк уже тянулся за стаканом воды, но тут же получил по руке половником. Даже воды им не дали! Хотелось всё к чертям перевернуть.

Ха Джун тоже сидел молча, лишь сглатывал слюну. Но жажда не уходила.

— Чуть-чуть поработали — и уже вон как распластались... — цокнула языком хозяйка.

Нам Гун Хёк хотел было огрызнуться, но тут на стол поставили поднос. Из кувшина в широкие чаши лился холодный, слегка подмороженный макколи. Трое мужчин заворожённо следили за белой пенящейся струёй.

— Пейте, — коротко скомандовала она.

И они разом схватили чаши и осушили их до дна. Холодная сладковатая жидкость смыла и жажду, и усталость, оставив одно удовольствие.

— Ох!

— Никогда не думал, что макколи может быть таким вкусным...

Ха Джун лишь молча посмотрел на чашу, потом на бутылку — с немым «ещё».

— По одной и хватит, — отрезала Лим Бон Су, щёлкнув половником.

На этот раз даже Нам Гун Хёк не возмутился. Ведь если бы они сперва утолили жажду водой, такого вкуса бы не почувствовали.

— До каких пор ждать-то будем? — спросил Пак Чу Хван, подергивая бедрами, будто хотел съесть еще.

Лим Бон Су молча указала на кухню. И вскоре смысл её жеста стал ясен: Ын Юль вышел, держа огромный поднос.

Он поставил его и разложил перед каждым рис и суп, а в центр — тушёные ребрышки, блинчики из гречки, блинчики из тыквы, тофу с кимчи и прочие закуски.

— Не нажирайтесь, желудок испортите, — бросила Лим Бон Су и, сказав всё, что хотела, повернулась. Передавая половник Ын Юлю, она добавила:

— Ха Ныля я сама приведу, так что ты тоже садись есть.

Получив половник, Ын Юль посмотрел на неё, и уголки его губ дрогнули, словно расплылись в мягкой улыбке.